
О мировоззренческой тематике музеев массового типа, о критериях и формах её подлинного усвоения

Александр Федорович Котс

Задача настоящего доклада — дополнение предыдущего, точнее разработка «методического позитива» к «негативу», обрисованному прошлый раз.

Напомним, что касаются они, два этих методических процесса, сложного вопроса, скрыто полагаемого в основание любой культмассовой работы, именно проблемы **методов проверки подлинной, реальной эффективности работы и приемов обеспечения таковой**.

Напомним, что существенную трудность разрешения этой проблемы составляют два мнимо-враждующих начала, свойственные всякой углубленной и серьезной просветительной работе.

Этих мнимых двух антагонистов мы определили следующим образом:

I. **нормативность** предлагаемого знания, и

II. **факультативность** восприятия.

Вскрывая, расшифровывая эти два понятия в их приложении к музейной практике, мы формулируем их следующим образом:

В отличие от прежних массовых музеев «ассертивного» характера, свидетельствовавших о том, что «**есть**», музеи нынешние — «нормативного» порядка, говорят о том, что «**должно**».

Не в пример музеям школьного, учебного характера, рассчитанного на **обязательное** посещение, музеи массового типа ориентируются на **факультативность**, добровольность восприятия их содержания.

В согласовании и примирении этих двух начал: **факультативности** и **нормативности** и заключается труднейшая, хотя обычно и несознаваемая должным образом, антиномия массовой культурно-просветительной работы.

Из изложенного явствует, что разрешение проблемы обусловлено двояко, именно:

- a. разработкой методов проверки эффективности даваемого знания, или — что то же — изучения музейных зрителей, и
- b. разработкой методов, приемов оптимального обслуживания этих зрителей, на базе предварительного их изучения.

Разработка первого вопроса, о «проверке» и «учете», обсуждалась в прошлый раз.

Обследование второго — о «методике обслуживания посетителей мировоззренческих музеев» — составляет содержание настоящего доклада.

Но сначала обрисуем еще раз интересующую нас проблему, применив элементарное сравнение.

Вообразим обычный медицинский пункт, «Амбулаторию», или «Диспансер» для туберкулезных, или алкоголиков.

Как производится учет работы в этих учреждениях? Как слагается ее «полезный коэффициент»? До нельзя просто! Из соотношения числа излеченных и общего количества больных, прошедших через данный Медицинский Пункт за тот или иной, определенный срок.

Теперь вообразим, что через данную амбулаторию проходят и больные, и здоровые, не подвергаясь предварительному освидетельствованию.

Те и другие, и больные, и здоровые, проходят тот же курс лечения и выходят из больницы также без малейшего контроля с точки зрения потребности или успешности лечения.

Я полагаю, что амбулатория с таким «учетом» посетителей не слишком продуктивна и что, как бы ни ссылался медицинский персонал на «возрастание пропускной способности», — все эти цифры будут мало вразумительны, ибо безвестным оставалось бы число **фактически больных**, число **фактически излеченных**.

А между тем, на положении такой «Амбулатории» оказываются в известном смысле «нормативные» музеи.

В самом деле. Отношение «больных» к «здоровым», образованных к необразованным, пытливых к безучастным, ищущих к индифферентным, вдумчивых к малосознательным, серьезных к легкомысленным — никто не регистрирует, а в силу ряда обстоятельств это вообще не поддается даже отдаленному учету.

Также мало удастся подведение итогов посещения таких музеев, ибо допуская даже, что была бы введена такая регистрация вступающих в Музей и покидающих его, можно уверенно сказать: «анкета» эта оказалась бы бесцельной, за неубедительностью большинства ответов, невозможностью, сказать, где — подлинное, изначальное, природное «здоровье» (знание, имевшееся до Музея), где — успех Музея (случай «излечения»), где — вынужденное лицемерие («симуляция здоровья»).

Но легко предвидеть возражение. Нам скажут, что, как нет вполне здоровых в отношении физическом (известно, что любой из нас несет, или носил в себе следы туберкулеза..), так и в отношении умственном почти в любом из посетителей Музея где-нибудь да притаились слабые зачатки и «бактерии невежества». Ведь существуют же диспансеры и санатории для подкрепления лишь пошатнувшихся здоровьем... Совершенно также при распространенности «больных невежеством», не вредно — скажут нам — их посылать от времени до времени в музеи в целях освежения их психики, изгнания микробов скрытого невежества...

Однако же, и с точки зрения такой духовной «профилактики» неразрешенным оставался бы вопрос: Как узнавать «успех лечения», Как отличить «здорового» от «симулянта»?

Остановимся поближе на составе посетителей Музея **нормативного** и **массового** типа, т.е. предназначенного для факультативного, не обязательного посещения, при том Музея, широко-образовательного, «мировоззренческого» содержания.

Как ни схематична для биолога попытка рубрицировать, классифицировать людей на основании **одного** какого-либо признака, мы для удобства все же вынуждены это сделать и установить три типа умственных уклада лиц:

I. Люди, разделяющие современное естественно-научное мировоззрение, — материалисты, или мнящие себя таковыми.

II. Люди, колеблющиеся в вопросах своего мировоззрения.

III. Люди, чуждые материализму.

Разберем по очереди каждую из этих групп со стороны подхода к ним в стенах естественно-научного советского музея и возможности учета эффективности его работы.

Мы начнем с конца, с людей которых мы относим к III-ей категории.

В стенах музея разбираемого типа люди этой категории суть материал весьма неблагодарный. И понятно, почему.

Иррациональные, сложившиеся с детства впечатления и образы, всецело коренящиеся в чувстве, а не в разуме, лежат всецело за пределами рассудочных аргументаций: все равно, как если бы какому-нибудь «Вертеру» научным образом доказывать нестойкость его «Шарлотты».

Но допустим, что и «Вертеры», что и «Шарлотты» ныне более сговорчивы и убеждаемы...

Но так ли переубеждаемы противники материализма?

Не в этом ли ближайшая задача современного естественно-научного Музея? Да, конечно, если бы не одно существенное затруднение: за правило, ортодоксальные противники материализма в нормативные естественно-научные музеи типа **Дарвиновского** не идут, а те, что изредка его и посещают, — мало убеждаемы.

Обычно первая попытка подойти к подобным посетителям Музея с точки зрения вопросов, связанных с проблемой мирозерцания, способна вызвать у таких людей открытое, или с трудом скрываемое раздражение. И в лучшем случае Вы при обслуживании подобной группы (редко в чистом виде, чаще в форме большей, или меньшей ее части..) встретите какое-то «психическое замыкание».

Касаетесь Вы изменчивости организмов, эволюции живого мира, и Вас слушают, хотя и не без внутренней настороженности. Вы можете касаться человеческой эмбриологии, показывать зародышей животного и человека, можете ссылаться на их сходство и Вас слушают, хотя и с любопытствующей брезгливостью...

Но стоит Вам произнести словечко «Обезьяна» и Вы чувствуете, как ортодоксальная часть аудитории словно свернула все орудия чувственного восприятия: Вас слушают, не слыша, смотрят и ..не видят. Люди замыкаются психически от Вас и Ваших слов.

Бывали случаи, когда часть аудитории, не в силах будучи выслушивать учение о кровной связи человека с обезьянами, тихонько направлялась к выходу Музея.

Именно такие архаически-ортодоксальные участники экскурсий покидают наш Музей, не доводя его осмотра до конца.

Едва ли нужно говорить, что посещения такого рода не сулят особых лавров для руководителей экскурсий. И надежда вырвать у подобных посетителей Музея персональное их мнение о виденном, и слышанном — бесплодна: Лишь случайно удается уловить подобие такого отзыва и то в редакции, маскирующей истинные причины недовольства, как однажды то имело место в отношении одной из посетительниц, небрежно говорившей при уходе из Музея своим спутникам:

— «Ну, что тут интересного! Чучела, да и все! Для ребятишек может быть и интересно! Я у своей барыни когда жила, наша вся квартира была наставлена этих чучелов!»

Практический итог: Успех работы, — вообще условный — с лицами ортодоксально-примитивными зависит менее от фактов экспозиции, сколько от такта демонстратора. Малейшая бестактность при общении с такими лицами способна дать эффект, обратный ожидаемому: упрочение недуга, подлежащего лечению.

В своих более крайних формах, типа приведенных, люди этой категории суть «безнадежные больные». Это — «хроники», неизлечимые, упорно отвергающие всякое лечение, и в больнице, и в амбулатории, и на дому.

Мы переходим к следующей группе посетителей, объединяемых под именем «колеблющихся» по вопросам мирозерцания.

В отличие от предыдущей группы, представители которой либо вовсе не являются в музеи, либо преждевременно уходят, либо слушают Вас, закусивши губы, — лица данной категории, **второй**, относятся к числу особенно активных, привносящих в посещение Музея подлинно-живой и непредвзятый интерес.

Но, к сожалению, и здесь учет состава аудитории, а этим самым и успешности работы поддается лишь весьма условно. Только по особому вниманию участников экскурсии, да по расспросам после окончания осмотра, да по отзывам, оставленным в Музейной Книжке, — удается уловить состав участников и результат работы.

Тем уместнее спросить: Что именно всего сильнее действует на эту категорию людей? Что всего более содействует ревизии их взглядов? Или, идя от обратного: Чего не нужно этой категории людей?

Не нужно агитации и голых лозунгов!

Нужна наглядная серьезная научная аргументация!

И да не скажут нам: «Это — трюизмы! Агитация в музеях мыслится обычно как научная аргументация!» Но так ли это?

Что карикатура — не научная аргументация, с этим согласно большинство. А помещение плакатов, лозунгов, хотя бы и с «научными цитатами»? А беглое скольжение по десяткам вещных экспонатов и зачитывание вслух готовых надписей декларативного характера?

И где границы, отделяющие возвещание научных выводов, без приведения адекватного фактического материала, от научных лозунгов? границы «деклараций» и «аргументаций»?

Обращаемся к реальному примеру. Перед Вами аудитория интересующего нас состава: люди, сомневающиеся в вопросах современного научного мировоззрения, но готовые принять его. Полезно ли, имея дело с аудиторией такого рода, начинать с плаката на стене, гласящего, что «Человек произошел от обезьяны!» Не полезнее ли будет выяснить учение о кровной связи человека и животных в ходе планомерного анализа, имея целью **выведение** итогов, а не **подведение** под них.

Вообразим актера в роли гоголевских персонажей. Эффективнее ли станет выполнение подобной роли, ярче ли воспримется она у зрителей при украшении зрительного зала, или сцены, выписками, взятыми из пьесы, или лозунгами, вытекающими из нее и говорящими на тему, что «порок карается», что «взяточник презрен!»», что «бахвальство наказуемо!»

Или — другой пример. Представьте, что приятель Ваш, желая ехать в Ленинград, к Вам обратился за действием и Вы не ограничились бы помощью по приобретению билета и посадке Вашего приятеля в вагон, но сидя с ним в вагоне, неотступно и назойливо твердили бы ему: «Ты едешь в Ленинград, в Ленинград, а не в Казань, и не в Рязань, и не до Клина лишь, а в Ленинград... Я полагаю, что приятель Ваш наверно поблагодарил бы Вас и за билет, и за посадку, и за Ваше общество, но справедливо бы сказал, что, если против ожидания, поезд не доедет дальше Клина, — никакие увещания и заклинания, напоминания о Ленинграде, не помогут делу, что слова не в силах заменить движения колес!»

Практический итог: людей колеблющихся убеждает, а нейтральных может захватить не трафаретная, штампованная декларация, но вещная аргументация и убежденность, убеждаемость свободно и авторитетно сказанного слова.

По терминологии клинической возможно было бы сказать, что перед нами «слабо функциональные больные», поддающиеся более внушению врача, чем трафаретной рецептуре.

Перед нами — заключительная категория музейных зрителей, той молодой учащейся или рабочей молодежи, выросшей «под небом Дарвина и Маркса», что является в Музей с готовым и определенным мирозерцанием.

Из них — одни идут в Музей для расширения собственного знания, другие — в целях получения «зарядки» для дальнейшей агитации и пропаганды.

Сходные по существу та и другая группа выявляет характерные черты.

Люди, сложившиеся «для себя», для «личного употребления», находясь в Музее, проявляют часто характерную пассивность: не расспрашивают, не записывают. И понятно, почему: Раз главное усвоено, к чему детали? Для познавшего итог — подсчет не интересен.

Есть такая категория читателей, усвоивших манеру: данную им книгу перлюстрировать с конца. Естественно, что для внимательного чтения всей книги у таких «глотателей итогов», или «бегунов по тексту» — не хватает стимула. Различными путями, больше лекциями или разговорами, чем книгой, и скорее импульсивно, чем рассудочно, ими усвоена простая истина: «отсутствие чудес в природе» и развитие ее естественным путем и по законам, полностью доступным человеческому разуму. А если так — то выяснением самих законов и путей пусть ведают ученые. Лишь бы работа их велась и освещалась в направлении марксизма.

До известной степени такое упрощенчество суждения понятно.

Трудно требовать, чтобы загруженный работой и уставший после трудового дня и трудовой недели человек, не педагог и не пропагандист, при однократном посещении музея смог бы подойти вплотную к излагаемым деталям.

И, однако же, именно в наше время, и у нас, такое «замыкание в себя и в свои собственные знания» — глубоко нежелательно, ибо никто не знает из тех тысяч посетителей, что наводняют наши аудитории, или музеи, **где и как** придется им делиться своим скудным знанием, в трамвае, или за станком... И несомненно, что число таких невольных «культурмейцев», агитаторов по ситуации, неизмеримо больше, чем официальных, призванных пропагандистов.

В этом смысле та пассивность, о которой говорилось выше в отношении известной части посетителей музеев, представляется чертой, заслуживающей порицания.

И совершенно нетерпимой следует ее признать для молодых пропагандистов-агитаторов. А между тем, как раз среди последних очень часто можно наблюдать такое упрощенчество и верхоглядство.

Не успеешь подойти к витрине наших «многоюрдных братьев» — Антропоидов и Вас опережают возгласами: «Наши предки!»

Приступаешь к рассмотрению вопроса: «Почему меняются живые существа?» И Вас перебивают возгласом: «*Природа!*»

Спрашиваешь: «Каковы главнейшие причины эволюции по Дарвину?»

На 50 % — полное молчание, а если и ответят, то опять все та же реплика: «*Природа!*»

Ну, конечно, разумеется — Природа! Но ведь и фантазии и мифология античных греков, и рассказы Аристотеля о зарождении червей из ила, и учения натурфилософов, и реализм Гете, и рационализм Бэра, и материализм Бюхнера, и витализм Сталля, и энтелехия Дриша — все попытки объяснения живых существ так или иначе сводились авторами самых разных школ к «Природе»... Совершенно ясно, что употребляемая так суммарно ссылка на «Природу» ничего не объясняет.

Это обращение к словесным трафаретам для маскирования своего незнания нередко сознается, правда, и самими говорящими, и только этим можно объяснить ту жажду знания, которой глубоко охвачены бывают именно такие группы.

Но тем более желательно внести систему, методическую четкость в технику обслуживания подобных групп, меняя и дифференцируя приемы демонстрации и пояснений применительно к различным кадрам или категориям музейных зрителей.

И в самом деле. Для людей колеблющихся, сомневающих по вопросам миропонимания важна не столько вещная природа экспоната, сколько широта и глубина подхода, убежденность яркого живого слова лектора. Есть уважение к лектору, признание его авторитета — речь захватит и заставит призадуматься. Нет веры и уверенности в лекторе и лучшие, ценнейшие коллекции не возмемут действия. Живое слово, а не мертвый экспонат — вот, что всего вернее предreshает результат работы.

Совершенно иначе рисуется задача лектора-массовика-музейца в отношении сложившихся материалистов. Общая их установка не внушает им сомнения. Но как эту уверенность в себе — внушить другим?

Где, каким образом набрать необходимых фактов, доводов и аргументов? Вот для этих передатчиков, «конвейеров» научных знаний, каждый свежий экспонат имеет актуальное значение.

И, как бы ни казался он «биологичен» — истинный его идейный смысл, как «тарана» к разрушению суевренных догматов и к утверждению научного мировоззрения, будет понят и оправдан.

Как ни мало совершенно разделение посетителей мировоззренческих музеев на «Ортодоксальных», «Сомневающих» и «Сложившихся Материалистов», как ни субъективны и условны грани, разделяющие их, — такое различие музейных зрителей полезнее, чем никакое, позволяя приблизительный учет работы. А последний лучше, чем отсутствие какого бы то ни было учета!

А теперь применим эти данные к учету эффективности работы современного музея нормативного характера.

На прилагаемой, уже знакомой диаграмме посетители Музея группируются по их профессиональным, возрастным, образовательным и социальным признакам.

Из общей массы посетителей (без малого 50.000 человек) большая часть — примерно одна треть — приходится на долю школьников.

Далее следуют рабочие, затем учителя, студенты и другие группы, частью смешанные по составу («Служащие») и заканчивают Совпартшкольцы и Красноармейцы.

Попытаемся теперь прикинуть к этой диаграмме сказанное выше о различном отношении музейных зрителей к вопросам мирозерцания. Учитывая всю условность толкований, опирающихся больше на догадки, чем прямые доводы, попробуем проделать этот небезинтересный опыт.

Школьники, учащиеся — самая обширная из категорий и тем самым наиболее ответственная, ибо от ее оценки или расшифровки до известной степени зависит общий смысл нашей диаграммы.

В давние, былые годы, при царизме — большинство учащихся в столичных и провинциальных школах, под влиянием **обязательности** обучения «Закону Божьему» и соответственной реакции против духовного насилия, творимого начальством, — было явно материалистично. В меньшей мере, правда, это сказывалось в женских школах, сохранявших элементы более патриархальные. И тридцать лет тому назад уместно было бы весь этот сектор разделить на разные две половины, положив в основу «сексуальный признак».

Едва ли нужно говорить о колоссальном сдвиге, происшедшем за истекшее тридцатилетие и позволяющем сказать, что большинство учащихся приходит ныне в наши современные музеи с настроением материалистическим.

Мы переходим к посетителям, квалификация которых наименее бесспорна: слушатели Совпартшкол, Рабфаков и Педтехникумов (Вузов — вообще) в огромном большинстве своем (чтобы не сказать на 100%!) ориентированы материалистически. И классовой состав, и возраст, как и прохождение курсов Диамата и Истмата, суть известною порукою тому, что слушатели этих групп приходят в наш Музей на положении сложившихся материалистов.

Перед нами трудная для расшифровки группа, именно «Рабочих».

В женской своей части эта группа несомненно заключала некоторый элемент колеблющихся и патриархальных. Но процент работниц в среднем все же несравненно меньший, чем рабочих, а значительное большинство последних несомненно чуждо настроениям первых.

Сектор, обнимающий «Учителей». В былые годы, 20 лет тому назад, в учительских экскурсиях, особенно провинциальных, доминировал учитель пожилой и частью с явственной тенденцией к патриархальному уклону.

Но едва ли нужно говорить, что современный просвещенец в большей своей части явственно другого склада. Как окончивший Педвуз, или Педтехникум и как прошедший курсы Диамата и Истмата, современный просвещенец в большей своей части лишь условно отделим от молодых выпускников на ниве просвещения.

Фактически тех и других возможно было бы объединить в одну и ту же группу, исключая разве небольшую часть...

Нетрудно видеть, что исход анализа уже предрешен и три оставшиеся сектора бессильны изменить его итоги.

Допускаем даже, что как раз участники последних групп («Служащие» и «Прочие») таят в себе и наибольший элемент «патриархального»: домашние хозяйшечки, роняющие на полу музея «поминальные бумажки», древние старушки, протестующие скрыто и скучающие явно...

И, однако, каковы бы ни были эти два сектора по своему составу (допуская, что число «патриархальных» вдвое больше, чем «свободомыслящих»..) — итоги нашего анализа, предпринятого с максимальной уступкой в сторону противного, не оставляют ни малейшего сомнения:

Огромнейшее большинство всех посетителей приходит в наш музей вполне индифферентными к вопросам мирозерцания, или готовыми материалистами.

Иначе говоря: значительное большинство всех посетителей «Амбулатории-Музея» словно не нуждается в «лечении»!

Но так ли это есть на самом деле?

Можно ли сказать, что все они «материалисты», разделяют современное марксистское мировоззрение?

Конечно — нет! По той простой причине, что «материализм», как таковой, не предопределяет миросозерцания!

Помнится, как полстолетия тому назад, в Гимназии, участвовал я в основании «нелегального» кружка и в выработке его «устава». Первым пунктом этого «Устава» значилось: «Религиозных — вон!»

Но этот дерзостный по виду пункт «Устава» ничего не говорил о подлинных задачах «Общества». Понятно, почему. Людские убеждения слагаются всегда из двух, взаимно дополняющих частей: из положительной и отрицательной. И для характеристики мировоззрения первая важнее, чем вторая. Так и в нашем гимназическом «кружке» его действительные цель и ценность станут ясны лишь из «положительных» параграфов его «Устава». В этих позитивных его пунктах значилось: «Скучных — презирать!» «Не понимающий скуки — скучный!»

Робкая невинная мальчишеская шалость, как реакция против казенной, циркулярами предписанной религиозности! Но, отвергая импульсивно эти предписания, мы, мальчики-подростки не имели никакого миросозерцания. Мы были попросту — скучающие мальчуганы!

Но не так ли и в истории культуры? Не свидетельствует ли она о том, что за материализм ратовали люди, самые различные по миросозерцанию: и циники, и скептики, эпикурейцы и агностики...

Теперь вернемся к нашим массовым музейным зрителям. Мы видели, что подавляющее большинство их — явные материалисты, или ориентирующиеся в сторону последнего. Но ведь согласно предыдущему — это лишь негативная часть мировоззрения. А положительная часть? Что эти 30—40.000 наших посетителей, из коих половина дети и подростки, — все это марксисты? Все они сильны не только в отрицании, но и в обладании положительным мировоззрением?

Допустим, что со стороны политико-экономической и вообще гуманитарной большинство достаточно, а частью даже хорошо подковано... А как со стороны естественно-научной?

Представляется элементарной истиной, что «чистое» Естествознание взятое порознь, без знания законов общества и рамок, налагаемых культурой данного народа и господствующих классов, не способно дать единого и целостного миропонимания, поскольку человек, «дитя Природы», одновременно является и сыном времени, и членом Общества, необъяснимого ни Биологией, ни Химией, ни Физикой...

Но ведь без знания Природы, без стремления познать ее законы, также невозможно целостное миросозерцание, по той простой причине, что, являясь сыном общества и класса, человек остался все же и «дитяем Природы»...

А теперь вернемся еще раз к нашей музейной аудитории и спросим: В какой мере подавляющая часть ее подкована естественно-научно? В какой мере разбирается она в «естественно-научных основаниях Марксизма»?

Отвечаем коротко: в ничтожной, а порой — в никакой мере!

Можно не боясь гиперболы сказать: из сотен молодых пропагандистов-агитаторов едва ли наберется десять человек, которые отчетливо и твердо разбираются в основах Дарвинова учения, которые на заданный вопрос, в чем главная причина эволюции живых существ по Дарвину? ответила бы правильно: «Изменчивость», «Наследственность», «Борьба за Жизнь», «Выживание более приспособленных»...

И то же с переходом к объяснению других проблем. Так, на вопрос — чем объяснить по Дарвину великолепие пера павлина, райских птиц, или колибри? — Вы услышите самые дикие ответы: то, — «Искусственным подбором», то «Естественным подбором», то искусством, разведением человека, то предположением, что «Птицы райские могли быть выведены из Колибри»!

Сказанное здесь не должно понимать, как обвинение и как упрек, и еще менее, как выражение насмешки.. Не до смеха там, где речь идет об истинной трагедии. И не вина, а величайшая беда всех этих сотен, тысяч молодых людей, которых выпускают в жизнь и на борьбу, ничем почти не вооружая их по линии естественно-научных знаний.

И на самом деле. Если наш товарищ-агитатор, защищая свои взгляды, не сумеет рассказать понятно, убедительно о «Половом Подборе», о Теории Гормонов, об «Естественном подборе», если он не будет надлежащим образом подкован по вопросам Общей Биологии, и всего прежде Эволюционному учению и Дарвинизму, — он не выполнит своей задачи, он окажется научно-беззащитен, безоружен, будет взят врасплох и «голыми руками».

Это — в отношении более «продвинутых» и подготовленных участников экскурсий, агитаторов-пропагандистов.

Что же говорить о массе рядовых музейных зрителей?! То, что приходится порою слышать от нее — звучит нередко жутким, скорбным юмором...

Из сотен зафиксированных реплик приведем только немногие.

На заданный руководителем вопрос: Зачем у Слепыша глаза запряты под кожей? слышится ответ:

«Чтобы смотреть внутрь!»

Прослушав описание сумки у животных, обитающих в Австралии, у Кенгуру, Вам задают вопрос:

«А что у австралийцев (у туземцев) тоже есть такая сумка?»

При рассматривании чучела Гориллы:

«Правда ли, что в Париже гориллы автомобилями управляют?»

Чучело молодого львенка называют то «тушканчиком», то «молодым верблюдом», то «куницей», то «хорьком»...

Миниатюрную породу лошади, так наз. «Пони» умудряются назвать «куницей».

Малорослую породу страуса («Киви») называют «Аллигатором» и «Муравьедом».

При показывании чучела крота Вам говорят, что это — «Ежик» или «Мышь»...

Нам скажут: Так ли это важно? И существенно ли это для марксистского мировоззрения?

Полагающие так как будто забывают, что ведь существует же известный минимум фактического знания, без которого немислимы какие бы то ни было научные идеологии и обобщения, вернее говоря, бессмысленны какие бы то ни было о них беседы.

Невозможно говорить об электрификации, механизации нашего сельского хозяйства человеку, не умеющему отличить соху от трактора, об улучшении советского животноводства — человеку, не умеющему отличить свиньи от меринуса, говорить о социалистической агрокультуре людям, не могущим отличить картофель от пшеницы...

И совершенно также есть известный минимум фактического знания, вне овладения которым бесполезно и бесцельно развивать дарвинистические доводы или теории.

Для полагающих, что обезьяны могут заменять шоферов, что Колибри превратились в «Райских птиц», а те, как и другие получаются путем «Искусственного подбора» человеком — доказательства учения **Дарвина** — излишни.

«Эволюция» живых существ, в размере, о котором никогда не снилось Дарвину, такими лицами усвоена в порядке **веры**, а не **знания**. И каковы бы ни были познания таких товарищей по линии общественной и политической, но в области естественно-научной эти люди — стопроцентные агностики, агностики не в смысле Дарвина и Гексли, но ввиду незнания элементарных фактов, ими установленных.

Усвоить эволюционное мировоззрение, не зная этих фактов, — значит строить его на песке, на вере. Поступающие так только сменяют фидеизм церкви — на «научный фидеизм». И при всей горячей убежденности таких товарищей-материалистов, и при всей подкованности их по линии общественной, — естественно-научный их «агностицизм» ставит их невольно в положение «больных» в стенах естественно-научного Музея.

Выравнить, восполнить этот их «биологический недуг» — одна из основных задач советского естественно-научного Музея, роль которого: способствовать наглядному знакомству с Дарвинизмом, как естественно-научной базой современного марксистского мировоззрения.

Легко предвидеть, что такое мнимое ограничение задачи может вызвать возражение. И в интересах дела здесь необходимо отвести заранее два мыслимых упрека.

I. Упрек в «Культурничестве». Но условимся, что понимать под этим многозначным словом. Разумеется обычно то нейтральное, аполитичное преподнесение научных сведений, которое не предпрещает нашего мировоззрения.

Таковыми именно были музеи и у нас, до Революции, такими они частью сохранились до сих пор на Западе.

Но вряд ли нужно говорить, что современные советские естественно-научные музеи, приобщающие посетителей к биологическим основам четкого мировоззрения Марксизма, — представляются нам антиподами «нейтрального», «аполитичного» Музея.

II. Возражение второе, самое обычное. Нам скажут: Вы односторонне суживаете задачу, ограничиваясь лишь биологической стороной вопроса и недооценивая ряд других сторон марксистского мировоззрения.

Так ли это?

На примере **Дарвиновского музея** — и пример этот доселе одинок — мы показали полную возможность в интересах целостной идейно-вещной полноценной экспозиции, вкрапления в биологические темы — таковые по истории, литературы, техники, культурно-исторического содержания.

Подчеркивать еще сильнее эти элементы для Музея Биологии — едва ли рационально.

Утверждать обратное — грозило бы нивелировкой содержания музеев вообще, сведением их к единому нейтрально-обезличенному штампу.

Возвращаясь к нашему исходному сравнению Музея и Амбулатории, уместно было бы сказать:

«Врач-музеолог» должен быть широко образован и не замыкаться в узкой специальности. И принимая каждого «больного» он, конечно, попытается понять причины общего «недомогания», но только с тем, чтобы заняться специально тем «недугом», для борьбы с которым он считает себя призванным и для которого лишь приспособлена его «аппаратура», содержание и экспозиция его Музея.

Рассуждать обратно, означало бы — Ортопедисту поручать лечение психически-больных, а психиатру — заниматься хирургией.

Правильнее думать, что как и во всякой сфере деятельности музейщик должен быть широко образован, но лишь при условии, чтоб он остался «мастером по специальности».

Этого вправе требовать от каждого музейщика массовые потребители музеев: Пусть он будет «мастером», способным ликвидировать в кратчайший срок тот именно пробел образования, ради которого музейный зритель и явился в данный именно Музей.

И, приступая к «Курсу своего амбулаторного лечения», руководитель-лектор не забудет указать на связь гуманитарных знаний и естественно-научных.

Тем не менее, главнейшее свое внимание он обратит на ликвидацию ближайшей и ему доверенной «болезни», сообщение тех минимальных позитивных сведений по Биологии и в частности по Дарвинизму, без которых невозможно современное научное мировоззрение.

Только в этом случае, при специализации болезней и врачей возможна «дифференциация» лечения и фактический учет успеха такового.

Без подобного учета роль музея угрожает очутиться в положении машины, что работает «на холостом ходу», на положении больницы, механически прописывающей всем проходящим, и здоровым, и больным, и «симулянтам» то же самое лекарство, не справляясь ни с наличием болезни, ни с ее природой, ни с потребностями и с успешностью «лечения».

Несущественный, да и неразрешимый для музеев старого, культурнического характера, вопрос об «эффективности» работы получает актуальное значение для музеев **нормативных** и задача моего доклада — подчеркнуть необходимость этого учета, как первейшего условия сознательного, планового, методического улучшения обслуживания массового зрителя.

Без изучения последнего, как предпосылки улучшения методики культмассовой работы всех родов и рангов — ее подлинная роль и ценность угрожает оставаться спорной и проблематичной.
